Международные процессы, Том 14, № 4, сс. 6–27
DOI 10.17994/IT.2016.14.4.47.1

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

АЛЕКСАНДР БУЛАТОВ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье проводится сравнение национальной экономической модели России с аналогичными моделями стран, находящихся на сопоставимом уровне развития, а также с опытом наиболее развитых государств. Национальная экономическая модель понимается в данном случае как экономический механизм страны, который имеет как общие, так и специфические для стран схожего уровня развития агрегированные показатели. При этом на нее воздействуют социальный, политический, этический компоненты внутренней среды. В работе рассматриваются основные показатели, характеризующие состояние российского национального хозяйства, выявленные на основании исследования Всемирного экономического форума. После этого на базе статистических данных, экспертных оценок и показательных примеров из отечественного опыта выявляется влияние политической системы и состояния российского социума на экономическую деятельность в России.

В статье утверждается, что фундаментальный дисбаланс отечественной модели заключается в противоречии между интересами крупных корпораций и выгодой большинства экономических агентов. Он, в свою очередь, порождает ряд других отрицательных дисбалансов: чрезмерный уровень государственного вмешательства в экономику, ее высокую монополизацию, слабый финансовый сектор, вялую модернизацию и диверсификацию экономики.

В работе делается попытка оценить перспективы эволюции российской экономической модели путем воздействия на отрицательные дисбалансы положительных дисбалансов российской экономической модели, а именно: высокого уровня образования населения, большого размера рынка и относительно развитой инфраструктуры. В заключение делается вывод о возможности трансформации существующей системы в классическую модель государственного капитализма при наличии определённых условий.

Ключевые слова:

Россия; национальная экономическая модель; дисбалансы национальной экономической модели; олигархический госкапитализм.

Экономическая модель страны, описываемая набором показателей, имеет как идентичные для группы экономик схожего типа, так и специфические характеристики. С точки зрения экономической компаративистики эти отклоняющиеся в позитивную или негативную сторону агрегированные показатели можно рассматривать как положительные или отрицательные дисбалансы национальной экономической модели. Подход к экономической модели страны с точки зрения дисбалансов позво-

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: bulatov@mgimo.ru

ляет, с одной стороны, выявить темпы и особенности национальной экономической модели, а с другой – предугадать возможную её эволюцию. Настоящая статья рассматривает возможную реализацию этих целеустановок на примере России.

В экономической литературе термин «национальная экономическая модель» трактуется по-разному, в том числе как (1) многоуровневая математическая модель экономического роста отдельной страны, (2) как дескриптивная модель развития национальной экономики, (3) как национальная система хозяйствования. Ориентируясь на последнюю трактовку, автор в то же время придерживается более узкого определения, понимая ее как экономический механизм страны, который имеет как общие, так и специфические для стран схожего уровня развития агрегированные показатели.

Зачем для описания экономической модели той или иной страны сравнивать ее с моделями стран близкого уровня экономического развития? *Во-первых*, на разных уровнях экономического развития возникают общие для стран этого уровня закономерности (например, у развитых стран институциональная среда обычно лучше, чем у стран с формирующимся рынком, хотя последние улучшают ее по мере повышения уровня развития). *Во-вторых*, подобное сравнение позволяет «схватить» специфику национального хозяйственного механизма в контексте других стран близкого уровня развития (например, большую или меньшую степень самостоятельности экономических агентов). *В-третьих*, национальную экономическую модель целесообразно сравнивать с моделями соседних стран схожего уровня развития (это позволяет ярче выявить национальную специфику хозяйственных механизмов). В этой связи российскую экономическую модель разумно соотносить с моделями таких стран, как Польша, Казахстан, Турция, но не США.

1

Для исследования национальной экономической модели можно использовать разные наборы показателей, самостоятельно подбирая их из национальной и международной статистики. Если же использовать

Таблица 1

Россия и другие страны схожего уровня развития: индекс глобальной конкурентоспособности и составляющие его субиндексы

	Россия	Польша	Турция	Казахстан	США**
Индекс глобальной конкурентоспособности*	4,5 (43)	4,6 (37)	4,4 (55)	4,4 (53)	5,7 (3)
в том числе: – институциональная среда	3,6	4,0	3,9	4,2	5,0
– инфраструктура	4,9	4,3	4,4	4,2	5,9
– макроэкономическая стабильность	4,3	5,1	4,9	4,7	4,6
– здравоохранение и начальное образование	5,9	6,2	5,6	5,4	6,2
– высшее образование и переподготовка кадров	5,1	5,0	4,7	4,6	5,9
– эффективность товарных рынков	4,2	4,6	4,5	4,4	5,2
– эффективность рынка труда	4,4	4,1	3,4	4,8	5,5
– зрелость финансового рынка	3,4	4,2	3,8	3,5	5,6
– восприимчивость к новым технологиям	4,3	4,8	4,2	4,4	6,0
– размер рынка	5,9	5,1	5,4	4,5	6,9
– зрелость бизнеса	3,8	4,1	4,0	3,6	5,6
– инновационный потенциал	3,3	3,4	3,3	3,4	5,6

Источник: World Economic Forum, 2016.

** В баллах от 1 до 7, где 7 – максимально высокий балл, в скобках – номер места страны в списке из 138 стран.*

*** Справочно*

уже готовые наборы агрегированных индикаторов, то один из эталонных вариантов содержится в ежегодном докладе «Глобальная конкурентоспособность» (*Global Competitiveness Report*) международной неправительственной организации Всемирный экономический форум (ВЭФ). Доклад готовится на основе национальной статистики и опросов предпринимателей в 138 странах. Он нацелен на оценку в баллах (от 1 до 7) индекса конкурентоспособности этих стран, но многочисленность и репрезентативность индикаторов (их 114), входящих в этот индекс и объединенных в 12 субиндексов, также выявляет основные характеристики национальных экономических механизмов. Подробный анализ последнего доклада ВЭФ сделан в недавней статье В. Шитова и Н. Загребельной, поэтому ограничимся лишь кратким описанием места России в этом рейтинге [Шитов, Загребельная 2016].

Табл. 1 демонстрирует ряд отличительных черт российской экономической модели. С одной стороны, Россия среди государств схожего уровня развития выделяется относительно развитой инфраструктурой, высокой долей населения с высшим образованием и большими размерами рынка. С другой – ее уязвимости – низкий уровень развития институциональной среды, невысокая макроэкономическая стабильность, низкая эффективность товарных рынков, незрелость финансового рынка.

Низкий индекс институциональной среды в России объясняется прежде всего невысокой величиной таких показателей, как защита прав собственности (по этому показателю Россия находится на 123-м месте в мире), а также прав интеллектуальной собственности (117-е место) и миноритарных акционеров (116-е место), ненадежность полиции (109-е место) и низкий уровень независимости судебной системы (95-е место), взяточничество (83-е место), а также активное вмешательство государства в деятельность фирм (116-е место).

Отставание России по индексу макроэкономической стабильности от соседних стран было вызвано в последние годы появлением дефицита бюджета из-за падения нефтегазовых доходов и высокой инфляции вследствие девальвации курса рубля почти в два раза. Невысокий индекс эффективности товарных рынков определяется главным образом сравнительно высоким уровнем монополизации (доминирования крупных компаний) на рынке (59-е место) и слабостью антимонопольной политики (82-е место), высоким уровнем налогообложения (98-е место) одновременно слабым воздействием этого налогообложения на инвестиции (106-е место), невысокой открытостью для иностранных товаров, услуг и капиталов (73–128-е места). Сильное отставание России по индексу зрелости финансового рынка происходит в основном из-за неустойчивости ее банков (121-е место) и низкой доступности кредита (115-е место)[1].

Представленный набор индикаторов экономического механизма, взятый из доклада ВЭФ, уместно дополнить показателями, характеризующими соотношение форм бизнеса. В частности, если в стране велик вес крупного бизнеса, то ее можно рассматривать как сильно монополизированную экономику. Журнал «Эксперт» ежегодно составляет рейтинг 400 ведущих российских компаний, и в 2015 г. в этот список вошли корпорации (включая представителей госсектора) с объемом продаж не менее 21,4 млрд рублей, которые производили 44% российского ВВП[2]. Они в большинстве своем объединены в бизнес-группы, которых в России несколько сотен, действующих как на общенациональном, так и региональном уровне, как в одной отрасли, так сразу в нескольких. На остальные крупные компании, не входящие в вышеуказанные 400, а также на средний бизнес (к нему в России относят компании с объемом реализации от 100 до 400 млн руб.) приходилось оценоч-

[1] Национальные счета России в 2006–2013 годах. Статистический сборник. М.: Росстат, 2014. С. 133.
[2] *Ермак С., Заякин С.* Неторопливый караван // Эксперт. № 43. 24–30 октября 2016. С. 80.

Таблица 2

Россия и другие страны схожего уровня развития: некоторые показатели уровня социального развития в 2014 г.

	Россия	Польша	Турция	Казахстан	США**
Индекс человеческого развития*	0,798 (50)	0,843 (36)	0,761 (72)	0,788 (56)	0,915 (8)
в том числе: – ожидаемая продолжительность жизни (лет)	70,1	77,4	75,3	69,4	79,1
– уровень образования, вкл. повышение квалификации и переподготовку (лет)	12,0	11,8	7,6	11,8	12,9
– подушевой ВНД по ППС (долл.)	22 352	23 177	18 677	20 867	52 947
Индекс Джини (от 1 до 100 – максимальная дифференциация доходов) в 2003–2012 гг.	40,1	32,7	40,0	29,0	40,8

Источник: UNDP Human Development Report, 2015.
** В баллах, где максимально высокий показатель равен 1, в скобках указано место страны в списке из 187 стран.*
*** Справочно.*

но 40–45% российского ВВП (опять же с учетом компаний госсектора).

Малый бизнес занимает скромное место в экономике – порядка 10–15% (вместе со средним бизнесом – 25%). Такая структура подтверждает объективность показателей ВЭФ, на основе которых нашей стране дается невысокий субиндекс эффективности товарных рынков с доминированием крупных компаний, препятствующих развитию малого и среднего бизнеса – основы рыночной экономики.

Важны и показатели отраслевой структуры национальной экономики. В то время как обычно рассматривают лишь соотношение первичного, вторичного и третичного секторов в производимом ВВП (в России это соотношение составляет 4:36:60 в процентах), желателен также анализ структуры промышленности. Он показывает, что в России вторичный сектор во многом состоит из добывающей промышленности, производства и распределения электроэнергии, газа и воды (14% ВВП), а с учетом часто искусственного выделения сбытовых фирм из состава добывающих компаний – 20% экономики, тогда как доля обрабатывающей промышленности за последние пятнадцать лет снизилась с 18% до 15–16%[3]. Если бы ВЭФ использовал указанный показатель, наша страна отставала бы от соседних Польши и Турции.

2

На *экономическую модель* страны воздействуют ее социальная, политическая, этическая модели. Главная характеристика социальной модели страны – достигнутый уровень и качество жизни. Пытаясь обобщить множество показателей, характеризующих эту область, Программа развития ООН предлагает такой синтетический индикатор, как индекс человеческого развития – ИЧР. Он выступает среднеарифметическим трех субиндексов – ожидаемой продолжительности жизни, уровня образования, уровня душевого ВВП по ППС. Идеалом считается, когда каждый из субиндексов и ИЧР достигает единицы, то есть максимально возможного в современных условиях значения. По данным издаваемого ПРООН ежегодного Доклада о человеческом развитии (*Human Development Report*), в 2014 г. первые пятьдесят мест по величине ИЧР (от 0,802 до 0,944) занимали государства-члены ЕС (кроме Болгарии и Румынии) и иные развитые страны плюс арабские страны Персидского залива (кроме Омана), Бруней, Аргентина и Чили. Из постсоветских экономик неплохие позиции были у стран Балтии, расположившихся в середине пятого десятка стран (0,819–0,861), ниже – у находящихся в следующих двух десятках России, Белоруссии и Казахстана (0,798, 0,798 и 0,788 соответственно).

[3] Национальные счета России в 2006–2013 годах. Статистический сборник. М.: Росстат, 2014.

Таблица 3

Россия и другие страны схожего уровня развития: показатели коррупции и организованной преступности

	Россия	Польша	Турция	Казахстан	США*
Индекс восприятия коррупции**	29	61	45	29	74
Этика поведения фирм***	72	57	68	48	33
Организованная преступность***	70	35	90	74	73

Источники: World Economic Forum Global Competitiveness Report 2016-2017; Transparency International Corruption Perception Index; Heritage Foundation Index of Economic Freedom.
** Справочно.*
*** В баллах, где 100 – максимально низкий уровень коррупции.*
**** Место страны в списке из 144 стран.*

Как видно из Табл. 2, в России низкая ожидаемая продолжительность жизни (ниже среднемировой на 1,4 года), достаточно высокий уровень душевого ВВП по ППС (в 1,6 раза выше среднемирового) и весьма высокий уровень образования (12 лет обучения в среднем на взрослого человека против 7,9 лет в среднем по миру). Анализ показателей, составляющих субиндекс здравоохранения и начального образования в индексе глобальной конкурентоспособности (см. Табл. 1), не свидетельствует о заметном отставании российского здравоохранения от общего уровня развития страны.

Таким образом, в международном сопоставлении Россия – не бедная страна с весьма образованным населением, хотя и с низкой продолжительностью жизни. Высокий уровень образования российского населения по статистике ПРООН подтверждает аналогичный вывод, сделанный экспертами ВЭФ.

Этическая модель, сложившаяся в стране, оказывает воздействие на национальную экономическую систему прежде всего через такие институты, как трудолюбие, ответственность, честность, законопослушность. Сложно сравнивать трудолюбие и ответственность жителей России с жителями стран схожего уровня развития, но честность и законопослушность можно косвенно оценить с помощью такого принятого в статистике индикатора, как уровень коррупции и преступности. Оценка индекса восприятия коррупции, ежегодно подготавливаемая международной неправительственной организацией *Transparency International* и отражающая восприятие предпринимателями и экспертами уровня коррумпированности государственного аппарата, демонстрирует более высокий уровень коррупции в России по сравнению со странами схожего уровня развития. Индекс восприятия коррупции можно дополнить индикаторами этического поведения фирм и организованной преступности (из субиндекса «Экономические институты» индекса глобальной конкурентоспособности ВЭФ).

Данные Табл. 3 демонстрируют, что эффективность российской экономики снижается из-за коррупции чиновников и неэтичного поведения фирм, а также организованной преступности (которая, впрочем, в Казахстане, Турции и США еще выше). Вместе с тем если уровень организованной преступности вытекает скорее из этики населения страны, то этика ее чиновников и фирм оказывается производной особенностей экономического механизма. В целом для российской модели характерна невысокая этика поведения экономических агентов.

Что касается *политической модели*, то для стран с переходной экономикой (Россия, Польша, Казахстан), осуществляющих этот транзит прежде всего на базе развития частного предпринимательства, нужен не только прочный политический порядок (как подчеркивал С. Хантингтон [Хантингтон 2004]), но и высокая самостоятельность экономических агентов, которая поддерживается прежде всего институтами демократии (из последних работ эта мысль наиболее подробно обосновывается в кни-

Таблица 4

Ранжирование стран по уровню развития демократии в 158 странах

Россия	Польша	Турция	Казахстан	США*
92-место	34-е место	80-е место	130-е место	13-е место

Источник: Субочев 2012.
** Справочно.*

ге Аджемоглу и Робинсона [Аджемоглу, Робинсон 2014]).

Существуют различные количественные измерители уровня демократии в той или иной стране, например, *Democracy Index* журнала *The Economist, Index Polity IV,* индекс институциональных основ демократии, *Vanhanen Index, Voice & Accountability Index* Всемирного банка. Попытка их объединения путем создания интегрированного рейтинга стран по уровню демократии на основе марковского ранжирования предпринята в статье А.Н. Субочева.

Данные Табл. 4 свидетельствуют, что в России (как и в соседних Турции и Казахстане), демократия развита слабо. Такое положение формирует ожидания низкой самостоятельности экономических агентов, а вследствие этого – слабой защиты прав собственности, низкой независимости судебной системы, активного административного вмешательства в деятельность фирм. Впрочем, подобная ситуация характерна для большинства развивающихся стран, и поэтому Г.А. Явлинский определяет политическую модель России как «периферийный авторитаризм», типичный для многих стран мировой экономической периферии [Явлинский 2015]. Таким образом, современный политический механизм России оказывает скорее отрицательное воздействие на ее экономический механизм.

Эти сильные и слабые места национальной экономической модели, то есть ее индикаторы, отклоняющиеся от общего уровня развития страны, можно трактовать как дисбалансы национальной экономической модели. Категория «дисбаланса» в экономическом литературе обычно подразумевает девиацию экономического равновесия и в этом смысле может быть применима к анализу национальных экономических моделей при разборе их специфики.

Несмотря на ряд положительных дисбалансов российской экономической модели, в ней все же доминируют отрицательные дисбалансы. В этой связи анализ целесообразно начать именно с них и прежде всего – с фундаментального дисбаланса отечественной экономической модели, выводя его из нижеизложенного методологического подхода к моделям современного капитализма.

3

У. Баумоль и его соавторы указывают в книге «*Good Capitalism, Bad Capitalism*» на многовариантность форм современного капитализма. Систематизируя их, исследователи выделяют четыре основные формы современного капитализма – «предпринимательский» (нацеленный на инновации), «больших фирм», «олигархический» (частная собственность сконцентрирована в руках немногих физлиц), «государственно-направляемый» (*state-guided*), – подчеркивая при этом, что в национальной экономике обычно наблюдается сочетание двух из этих форм: в США это сочетание малых и средних инновационных фирм с производящими массовую продукцию большими фирмами, в Японии это сочетание больших фирм с направляющей ролью государства в экономике [Baumol, Litan, Schramm 2007: vii-ix]. С этой точки зрения для российской экономической модели характерно сочетание олигархической формы капитализма с государственно-направляемой формой, или, иначе говоря, *олигархический госкапитализм*.

Важной особенностью российского бизнеса является не только уже упомянутая

высокая концентрация производства, но и капитала. В отличие от большинства развитых стран местные бизнес-группы, крупные частные компании и значительная часть среднего бизнеса находятся под контролем нескольких физических лиц (нередко одного физического лица), обладающих контрольным пакетом акций. На этом основании частных собственников крупных компаний в России справедливо называют олигархами, а российскую форму капитализма – олигархической. В частности, лидирующие в стране 22 частные бизнес-группы контролируются всего 40 физическими лицами. Типичная российская корпорация контролируется не многочисленными акционерами, а небольшим кругом индивидов (олигархов), обычно занимающих руководящие посты в собственных компаниях. Например, 22% акций крупнейшей отечественной частной компании «ЛУКОЙЛ» принадлежит ее президенту В.Ю. Алекперову и 9,7% – ее вице-президенту Л.А. Федуну. Большинство российских олигархов приобрело свои активы в результате ускоренной приватизации 1990-х годов благодаря близости к федеральной и региональной бюрократии. Например, в 1991–1992 годах В.Ю. Алекперов был первым заместителем министра нефтяной и газовой промышленности СССР. Подобное происхождение активов большинства российских олигархов заставляет их быть политически корректными по отношению к высшей российской бюрократии.

В то же время для получения гарантий сохранения собственности на активы российские олигархи предпочитают переводить права на них в офшорные юрисдикции, успешно сочетая это с мотивом снижения налогов. Например, все ведущие отечественные металлургические корпорации полностью или частично принадлежат офшорным фирмам, основанным их российскими бенефициарами. Что же касается государственного капитализма, то в России, как и в большинстве стран с формирующимся рынком, экономическая власть государства очень велика. Этот тезис может быть подтвержден размерами госсектора: контролируемые государством компании производят, по авторской оценке на основе анализа национальных счетов, 20–25% российского ВВП[4], а на банки с государственным участием приходится более 50% банковских активов страны [Булатов 2015: 21]. Госкомпании и госкорпорации занимают ведущие позиции во многих гражданских отраслях («Газпром» и «Роснефть» в нефтегазовой промышленности, РЖД в железнодорожном сообщении, «Сбербанк», «Газпромбанк», ВТБ и ВЭБ – в банковской сфере). Экономическая зависимость российского частного бизнеса (и особенно крупных олигархических структур) от государства также принуждает предпринимателей к политкорректности.

В этом сочетании олигархического и государственного капитализма лидирующая роль принадлежит госкапитализму, точнее – государственной бюрократии. Она определяется доминированием государственной бюрократии в российской политической модели. *The Economist Intelligence Unit* относит ее к авторитарным режимам, *Polity IV* – к анократическим. Ее другими характерными чертами являются слабое гражданское общество и политически пассивный бизнес. О сильной зависимости российского частного бизнеса от бюрократии свидетельствует и российская аналитическая литература [Зудин 2006].

Российская бюрократия, опираясь на политическое доминирование, извлекает из своей власти политическую ренту. Последняя проявляется в том, что чиновники не только получают взятки, но и используют в своих целях госкомпании, создают подконтрольные им фирмы, активно вмешиваются в деятельность частного бизнеса. Доминируя над последним, российское государство более благосклонно к крупному бизнесу, что подтверждается низкой эффективностью антимонопольной политики в стране.

[4] Национальные счета России в 2006–2013 годах. Статистический сборник. М.: Росстат, 2014.

Таблица 5

Отношение руководителей российских промышленных предприятий к государственной экономической политике, в процентах

	2001	2007	2011	2014	2016 (II кв.)
Понимают экономическую политику правительства	30	37	28	34	40
Одобряют ее	18	22	9	19	25

Источник: Российский экономический барометр. Квартальный бюллетень. 2016. № 2 (62). С. 41–42.

Государственное покровительство российским крупным компаниям обусловлено не только тем, что еще с советских времен они определяют лицо многих отраслей. Верхушка российской бюрократии выступает совладельцем ряда крупных и средних российских компаний, включая банки. Стремлением госаппарата к контролю над бизнесом объясняется и слабая защита прав собственности в стране, и слабость институтов вообще, что позволяет госаппарату манипулировать бизнесом, в том числе крупным. Этому способствует незрелость демократических институтов. А результат политического господства бюрократии – высокий уровень коррупции.

Таким образом, для современной российской экономической модели характерен союз бюрократии и олигархов при политическом преобладании первых [Хрусталев 2017]. Как следствие – экономическая политика проводится прежде всего в интересах этого союза. Результатом становится фундаментальный макроэкономический дисбаланс между характером российской экономической модели (олигархический госкапитализм) и интересами большинства экономических агентов (домохозяйства, малый и средний бизнес).

Прямым подтверждением наличия этого фундаментального дисбаланса может быть нижеследующая статистика, публикуемая журналом «Российский экономический барометр» на основе систематического опроса руководителей 900 промышленных предприятий (см. Табл. 5).

Косвенными доказательствами тезиса о фундаментальном дисбалансе российской экономической модели могут быть присущие этой модели слабые экономические институты (защита прав собственности, суды, полиция), хотя подавляющее большинство отечественных экономических агентов остро нуждается в их прочности, а также недостаточная инвестиционная активность этих агентов внутри страны, сопровождающаяся неестественно большим экспортом частного капитала (по этому показателю Россия из стран с формирующейся экономикой уступала до последнего времени только Китаю, во много раз большему по размеру ВВП) [Булатов 2015: 21].

Рассматриваемый фундаментальный дисбаланс сильно уменьшает предпринимательский ресурс, заставляя бизнес приспосабливаться не только к конкуренции, но и к представителям власти, от которых часто зависит судьба той или иной фирмы. В результате бизнес не стремится к долгосрочным инвестициям в страну, активно вывозит капитал за рубеж, меньше, чем в советское время, занимается инновациями и сильно подвержен погоне за рентой, которую ему может обеспечить связь с властью.

В то же время бизнес, находящийся под покровительством государственной власти в условиях невысокой внутренней конкуренции (по уровню конкуренции на внутреннем рынке Россия находится на 81-м месте в мире, по последней оценке ВЭФ), недостаточно эффективен с макроэкономической точки зрения (выступает «неэффективным собственником» принадлежащих ему активов). Он часто получает право на существование от бюрократии в обмен на признание выгодных ей правил игры, а также за взятки и долю в акционерном капитале. Тем не менее для многих частных владельцев и совладельцев-госслужащих подобный бизнес эффективен, поскольку

приносит им немалую прибыль за счет монополизации наиболее прибыльных сфер хозяйственной деятельности, прежде всего добычи природных ресурсов, внешней торговли, использования госбюджетных средств. Покровительство бюрократии позволяет этому бизнесу слабо соблюдать права чужой интеллектуальной собственности и права собственных миноритарных акционеров.

4

Фундаментальный дисбаланс российской экономической модели (сам по себе отрицательный) порождает другие отрицательные дисбалансы.

Во-первых, дисбаланс между свободой предпринимательства, необходимой для развития рыночной экономики, и ее ограничением со стороны государства. Он происходит не из-за вытеснения частного бизнеса государственным. По авторской оценке на основе национальных счетов России, доля госсектора в производстве ВВП России составляет 25–30%[5]. Доля основных фондов в госсобственности радикально снизилась в начале 1990-х годов, продолжала сокращаться в следующем десятилетии, и хотя в текущем десятилетии оставалась стабильной (у правительства есть планы возобновить приватизацию для пополнения дефицитного бюджета), но находится на уровне не выше, чем, например, в Польше, где в конце прошлого десятилетия доля госсобственности в основных фондах составляла 24%[6].

Нельзя назвать чрезмерным и уровень налогообложения российского частного бизнеса. Средняя частная компания платит в России в виде налогов и сборов 47,0% от своей прибыли, то есть меньше компаний во многих других ведущих экономиках мира – в Китае этот показатель составляет 67,8%, Индии – 60,6%, Японии – 51,3%, Германии – 48,8%, США – 43,9%, хотя в соседних с Россией средних по размеру

Таблица 6

Доля основных фондов в госсобственности, в процентах

1991	1995	2001	2011	2014	2015
91	28	27	18	18	18

Источник: Pater, Skisa 2014: 126.

экономиках данный показатель заметно ниже – в Польше – 40,3%, Турции – 40,9%, Казахстане – 29,2%[7].

Фундаментальный дисбаланс российской экономической модели, другими словами, обусловливает не столько высокий уровень госсобственности и налогообложения, сколько высокий уровень административного вмешательства в деятельность частного бизнеса, прежде всего через правительственные распоряжения, многочисленные проверки, судебные расследования, «телефонное право». Именно через эти рычаги правящая в России бюрократия повседневно реализует свою политическую власть. По данным исследования ОЭСР о государственном вмешательстве в реальный сектор (на основе 18 показателей, оцениваемых от 0 до 6 баллов), в 2013 г. в странах ОЭСР оно составило в среднем 1,5 балла, в Польше – 1,6 балла, Турции – 2,4 балла, России – 2,3 балла (хотя российский показатель намного лучше, чем в Китае – 2,8 балла и Индии – 3,1 балла) [Koske et al. 2015].

Во-вторых, это дисбаланс между немонополизированным и монополизированным бизнесом. Особенно это заметно в наиболее доходных сферах деятельности. Например, в российском экспорте товаров и услуг в 2014 г. доля 20 самых крупных компаний составила около 60%, а первых 4-х компаний – «Роснефти», «Газпрома», «ЛУКойла», «Сургутнефтегаза» – не менее 45%, и это при том, что в качестве субъектов экспортной деятельности в Федеральной таможенной службе зарегистрировано около 20 тыс. юридических лиц [Жога 2015: 68].

Из-за высокой монополизации российского бизнеса уровень конкуренции на вну-

[5] Национальные счета России в 2006–2013 годах. Статистический сборник. М.: Росстат, 2014.

[6] *Pater R., Skisa T.* The Productivity of Public and Private Sectors in Poland // Business and Economic Horizons. 2014. Vol. 10. № 2. P.126.

[7] World Bank Group. Paying Taxes 2016: The Global Picture. P.133–136.

Таблица 7
Острота конкуренции на внутреннем рынке,
где 1 – отсутствие конкуренции,
5 – на грани вытеснения

2001	2007	2011	2014	2015	2015
3,6	3,5	3,4	3,6	3,7	18

Источник: Российский экономический барометр. Квартальный бюллетень. 2016, №2 (62). С. 41–42.

треннем рынке в последние полтора десятилетия изменился мало, что тормозит развитие российской экономики (см. Табл. 7).

В-третьих, это дисбаланс между уровнем развития страны и сырьевой направленностью ее экономической модели. Россия – один из мировых лидеров по уровню образованности населения (см. Табл. 1, 2). В общем числе занятых доля лиц с высшим образованием составляет 32,2%, а лиц со средним профессиональным образованием – 44,8%, причем эти показатели продолжают повышаться. В результате возрастает потребность домохозяйств в высококвалифицированных рабочих местах, которые не связаны с добычей полезных ископаемых, производством и распределением электроэнергии, газа и воды. Однако сейчас эти виды экономической деятельности обеспечивают работой только 4,5% занятых. Предоставить новые места могут не столько традиционные отрасли сферы услуг – торговля, ремонт, гостиницы и рестораны, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (в этих видах экономической деятельности занято 29% работающих), сколько современные отрасли этой сферы – образование, здравоохранение, наука. Между тем в этих отраслях численность рабочих мест сокращается (сейчас, по авторской оценке, около 14–15% работающих). Но основные высококвалифицированные рабочие места традиционно предоставляет обрабатывающая промышленность, в которой в 1990 г. было занято 19,6 млн чел.[8], а сейчас – 9,8 млн чел[9].

В-четвертых, это связанное с вышеуказанным дисбалансом противоречие между потребностями большинства экономических агентов в модернизации экономики (прежде всего на основе диверсификации её отраслевой структуры, в основном за счет обрабатывающей промышленности) и интересами правящей элиты, заинтересованной в сохранении своего политического и экономического преобладания. Модернизация же на основе диверсификации, прежде всего через реиндустриализацию на базе обрабатывающей промышленности, отвечает интересам основной части экономических агентов. Однако движение в этом направлении может обеспечиваться не столько крупными корпорациями, подконтрольными госаппарату, сколько средним и отчасти малым бизнесом, менее зависимым от высшей бюрократии. Подобная модернизация может означать усиление широкой прослойки предпринимателей не только экономически, но и политически, и, следовательно, ослабление позиций бюрократии и бизнес-олигархии.

В этих условиях правящей элитой не востребована в действительности глубокая модернизация экономической модели страны. Ратуя на словах за нее, она на деле к ней не стремится. Правящая коалиция рентоориентированных сил выступает за такую модернизацию национальной экономической модели, которая позволяет сохранять контроль над экономикой и политикой. Отсюда – не всегда объяснимая нерешительность в проведении реформ или их имитация. В результате не проводятся ни пролиберальные, ни прокейнсианские преобразования. Правящая бюрократия более заинтересована в консолидации статус-кво, чем в экономических и политических изменениях.

Данный тезис подтверждается экономической политикой последних лет. В условиях кризиса сложившейся экономической модели, ориентированной на добычу и переработку сырья, у экономического руководства страны наблюдается лишь приспособление к текущей ситуации – Минфин

[8] Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Статистический ежегодник. М.: Госкомстат РСФСР, 1991.
[9] Данные Росстата.

ужесточает бюджет, ЦБ девальвирует рубль, Минэкономразвития занимается предсказанием краткосрочной конъюнктуры, а Центр стратегических разработок под руководством А. Кудрина составляет планы развития страны во многом с позиций балансирования бюджета.

В-пятых, налицо дисбаланс между уровнем развития страны и зрелостью ее финансовой системы. Незрелый фондовый рынок и особенно слабость банковской системы затрудняли развитие России на протяжении последней четверти века. Сложившееся положение в финансовом секторе – прямое следствие политики Минфина и ЦБ по сдерживанию роста денежной массы в стране из-за боязни инфляции, хотя последняя генерируется в России не столько ростом денежной массы, сколько немонетарными факторами, прежде всего монополизацией экономики, а в последние два года – также резким ослаблением рубля в условиях его свободного плавания в рамках ошибочной политики ЦБ по таргетированию инфляции. В этой связи к числу барьеров на пути модернизации экономической модели следует отнести наряду с интересами правящей элиты нехватку финансовых средств и связанную с этим их дороговизну.

5

Наряду с отрицательными дисбалансами российская модель характеризуется и рядом положительных, которые выделяют ее среди стран схожего уровня развития. *Во-первых*, это большие размеры рынка, *во-вторых*, это большинство показателей инфраструктуры, а *в-третьих*, высокий уровень образования населения.

Большие размеры внутреннего рынка – вековое преимущество России. Если измерять его величиной ВВП (взятого по паритету покупательной способности), то Россия занимает в последние годы 6-е место в мире. Подобные размеры рынка позволяют иметь многоотраслевую, диверсифицированную экономику, так как спрос на все виды продукции внутри большого хозяйства дает ему шансы иметь самые разные виды производств, причем на конкурентоспособном уровне (см. Табл. 8).

Таблица 8

Рынки сбыта, на которых производимая российскими предприятиями продукция конкурентоспособна,
в процентах от доли опрашиваемых предприятий

	2001	2007	2011	2015
Россия	85	92	93	90
СНГ	29	31	37	43
Западная и Восточная Европа	17	13	11	13

Источник: Российский экономический барометр. Квартальный бюллетень. 2016, №2 (62), с. 41–42.

Неплохая по мировым стандартам российская инфраструктура позволяет размещать на обжитой территории страны многочисленные производства. Модернизация на основе диверсификации, прежде всего через реиндустриализацию, может опираться на уже существующую в стране инфраструктуру. В частности, возрождение обрабатывающей промышленности вполне возможно на базе многочисленных заброшенных промышленных предприятий в малых и средних городах, транспортная инфраструктура которых была заложена еще в советское и досоветское время.

Вместе с тем главным стратегическим преимуществом России (ее главным позитивным дисбалансом) является накопленный ею человеческий капитал, то есть способность человека к труду, приносящая ему доход и определяющаяся прежде всего запасом его знаний. ВЭФ рассчитывает индекс человеческого капитала (то есть его

Таблица 9

Индекс человеческого капитала в 2016 г. по странам мира

Страна	Индекс человеческого капитала	
	Место	Величина, баллы
Россия	28	77,86
Казахстан	29	77,57
Польша	30	77,34
Турция	68	67,09
Справочно: США	24	78,86

Источник: World Economic Forum, The Human Capital Report 2016.

Таблица 10

Положительные дисбалансы	Отрицательные дисбалансы
Размеры рынка	Недостаточная свобода предпринимательства
Инфраструктура	Сильная монополизация экономики
Охват населения высшим образованием и переподготовкой кадров	Сырьевая направленность экономики
	Недостаточная заинтересованность правящей элиты в модернизации страны
	Слабая финансовая система

Источник: составлено автором.

качество) по показателям уровня образования населения (включая переподготовку кадров) с учетом его качества, уровня занятости и квалификации населения по разным возрастным группам.

Как видно из Табл. 9, лучший из рассматриваемых стран схожего уровня развития индекс человеческого капитала у России. Помноженный на большую численность населения, он дает внушительную абсолютную величину человеческого капитала, способного к модернизации отечественной экономики. Причем это быстро растущая величина – уровень образования населения в стране увеличивается стабильно высокими темпами: в 1992 г. доля специалистов с высшим и средним профессиональным образованием в общей численности занятых составляла 49%, в 2000 г. – 55%, в 2015 г. – 82%[10]. Следует, правда, оговориться, что качество этого образования и потребность экономики в нем остаются дискуссионными – профессионализм выпускников российских вузов критически оценивается их работодателями, а по специальности устраивается на работу менее половины выпускников.

Что касается начавшегося в текущем десятилетии сокращения экономически активного населения из-за демографической катастрофы 1990-х годов, то оно может быть компенсировано перераспределением рабочей силы из «раздутых» по численности занятых традиционных отраслей сферы услуг, особенно торговли, а также притоком мигрантов из стран СНГ (на постоянное местожительство ежегодно прибывает до 600 тыс. чел., на временную работу до 12–13 млн чел.).

С учетом проведенного анализа при оценке перспектив эволюции российской экономической модели встает вопрос о том, как будет эволюционировать ее фундаментальный дисбаланс исходя из воздействия положительных дисбалансов на отрицательные?

Большой рынок и относительно развитая инфраструктура позволят отечественной экономике «держаться на плаву» в среднесрочной перспективе по таким индикаторам, как транспорт, телекоммуникации, электро-газо- и водоснабжение, а также обеспечивать большинству средних и крупных предприятий сбыт их продукции на внутреннем рынке. Эти положительные дисбалансы дают возможность стране осуществлять экономическую модернизацию, не отвлекаясь на решение проблем обеспечения населения страны продуктами первой необходимости, как это было в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

В долгосрочной перспективе главным драйвером модернизации экономической и политической системы выступает высокий и быстро повышающийся уровень образования населения. Его потребность в высокотехнологичных рабочих местах, недовольство коррупцией и олигархическим характером крупных частных компаний, несоответствие существующего авторитарного строя политическим запросам населения нарастают. Этому способствует и сильный в условиях открытого общества демонстрационный эффект соседних евро-

[10] Данные Росстата.

пейских стран. Данные требования частично приглушаются пропагандой и отвлечением населения от актуальных проблем со стороны контролируемых государством медиасредств, однако они не могут остановить рост недовольства, тем более что главный его компенсатор в прошлые годы (рост реальных доходов населения вследствие повышения мировых нефтяных цен) уже не срабатывает. Как показали события 2012 года, недовольство может принять политический характер, что требует эволюции анократии – этой политической основы российской экономической модели – в сторону демократии.

Заметим, что сравнительно невысокий уровень демократии в нашей стране отражает не столько формальное несовершенство ее институтов, сколько традиционную слабость в России такой фундаментальной основы политической системы, как гражданское общество, которое в странах с развитыми демократическими традициями выполняет контролирующую функцию.

Именно слабость гражданского общества позволяет российскому правящему слою проводить курс, который зачастую не совпадает с интересами других слоев общества. На практике это выглядит как наличие формальных институтов демократии, которые работают неэффективно, потому что используются не столько для обслуживания интересов всего общества, сколько для правящей элиты. Говоря языком книги Д. Аджемоглу и Д. Робинсона «Почему одни страны богатые, а другие бедные», задача заключается в превращении экстрактивных политических институтов (работающих на элиту) в инклюзивные (работающие на широкие слои населения) [Аджемоглу, Робинсон 2014].

Активизация гражданского общества вследствие роста образованности в России потенциально может выступить главной силой, способной заставить экономическую модель эволюционировать на основе демократизации политического механизма. Если политический механизм начнет эволюцию в сторону демократизации, это будет означать прежде всего усиление борьбы с экономической преступностью, особенно с коррупцией, что будет вести к улучшению этического климата в стране и укреплению социально-экономических институтов, включая права собственности.

Другое потенциальное следствие демократизации – снижение уровня государственного вмешательства в повседневную деятельность фирм, а также расширение господдержки малого и среднего бизнеса. Не столько ведущие крупные корпорации, сколько малый и особенно средний бизнес, а также «небольшие» крупные фирмы могут способствовать уменьшению сырьевой ориентации российской экономики.

С учетом настроя значительной части российского общества на сохранение важной роли государства в экономике, постепенная эволюция олигархического госкапитализма в России может привести, если использовать терминологию У. Баумоля, не к характерному для Северной Америки и отчасти Европы сочетанию малых и средних инновационных фирм с занятыми выпуском массовой продукции большими компаниями, а скорее к японскому варианту капитализма – сочетанию больших фирм с направляющей ролью государства, то есть к *классическому госкапитализму*.

Однако даже для такой эволюции потребуется усиление малого и особенно среднего бизнеса (который в Японии плотно соседствует с крупными компаниями), снижение уровня концентрации собственности в крупных российских компаниях (для превращения их из олигархических в классические капиталистические на основе разбавления их капитала за счет широкого привлечения рядовых инвесторов), резкое повышение уровня развития финансовой системы, особенно банковской (ее неспособность выдавать долгосрочные и дешевые кредиты препятствует повседневному функционированию российской экономики, не говоря уже о ее модернизации).

Пессимистический вариант воздействия положительных дисбалансов на отрицательные, то есть сохранение фундаментального противоречия российской экономической модели, также может реализо-

ваться. Это может произойти в случае недостаточной активности гражданского общества и/или жесткого сопротивления правящей элиты политической модернизации, особенно в случае нового повышения мировых цен на углеводороды, или резкого ухудшения внешнеполитической ситуации. Цитируя лауреата Нобелевской премии по экономике Р. Солоу, рассуждавшего о перспективах экономики к концу столетия, можно сказать, что «главным источником неопределенности представляется политика» [Солоу 2016].

* * *

Проведенный анализ демонстрирует, что российская экономическая модель отличается от национальных хозяйств государств схожего уровня развития наличием как положительных, так и отрицательных дисбалансов. Фундаментальной чертой отечественной экономической модели выступает противоречие между её характером (олигархический госкапитализм) и интересами большинства экономических агентов (домохозяйства, малый и средний бизнес).

Подобное противоречие, по мнению автора, может быть ослаблено в ходе эволюции российской модели в сторону классического госкапитализма.

Для такого преобразования имеется существенный потенциал (большой внутренний рынок, относительно развитая инфраструктура, высокий уровень образования). В то же время подобная эволюция требует ужесточения борьбы с коррупцией, снижения уровня государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, усиления малого и среднего бизнеса, постепенной демонополизации экономики, перестройки финансовой системы, то есть модернизации прежде всего политической модели России.

Список литературы

Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2014. 696 с.

Булатов А. Страны БРИКС в международном движении капитала // Известия РАН. Серия географическая. 2015. №5. с. 21.

Дрыночкин А.В. Внешнеэкономические связи России и Вишеградской группы // Современная Европа. 2016. №72 (6). С. 82–87. DOI: 10.15211/soveurope620168287

Жога Г. Как обмануть конъюнктуру // Эксперт. 2015. № 40. С. 68.

Зудин А. Государство и бизнес в России: эволюция модели // Неприкосновенный запас. 2006. №6.

Кузнецов А.В. Польша – мост или барьер для германо-российских экономических связей? // Современная Европа. №70 (4). С.76–82. DOI: 10.15211/soveurope420167982

Кульков В. Российская экономическая модель. М.: ТЕИС, 2009. 196 с.

Мау, В. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. М.: Издательство института Гайдара. 2016. 488 с.

Национальная экономика. Учебник // Отв. ред. Р.М. Нуреева. М.: Инфра-М, 2010.

Прикладное прогнозирование национальной экономики. Учебное пособие // Отв. ред. В.В. Ивантер. М.: Экономистъ, 2007.

Солоу Р. Несистематические мысли о том, как все может пойти дальше / Сборник «Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее» // Отв. ред. И. Паласиос-Уэрта. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 304 с.Субочев А. Измеряя демократию: агрегирование противоречивых рейтингов государств мира методами коллективного выбора. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. 2012. URL: http://regconf.hse.ru/uploads/e9166e72b2344def64a667e6e9ef8e8b525ab6ac.pdf

Шитов В., Загребельная Н. Международные оценки шансов и уязвимости России // Международные процессы. 2016. Том 14. №2. С. 163–175.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Экономика России и стран ближнего зарубежья // Отв. ред. А.С. Булатов. М., 2017. 496 с.

Явлинский Г. Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия. М.: Медиум, 2015. 230 с.

Baumol W., Litan R. and Schramm, C. Good Capitalism, Bad Capitalism, and the Economics of Growth and Prosperity. New Haven and London: Yale University Press, 2007. pp. vii–ix.

Koske I. et al. The 2013 Update of the OECD's Database on Product Market Regulation: Policy Insights for OECD and non-OECD Countries. OECD Economics Department Working Papers. № 1200. Paris: OECD Publishing, 2015.

Pater R., Skisa T. The Productivity of Public and Private Sectors in Poland // Business and Economic Horizons. 2014. Vol. 10. № 2. p.126.
Todaro M., Smith, S. Economic Development. 11th Edition. New York: Trans–Atlantic Publications, 2014. 860 p.

RUSSIA'S ECONOMIC MODEL AND PROSPECTS FOR MODERNISATION

ALEXANDER BULATOV
MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The article compares the national economic model of Russia with similar models of countries at a comparable level of development, as well as with the record of the most advanced countries. The national economic model is understood in it as an economic mechanism of the country, which is characterized by both common and specific aggregate indicators for countries at similar development level. At the same time, it is influenced by the country's social, political, ethical models. The paper examines the main indicators characterizing the state of the Russian national economy, identified on the basis of a study of the World Economic Forum. After that, building upon statistical data, expert assessments and specific cases from local record, the influence of the political system and the state of the Russian society on economic activity in the country is revealed.

The article argues that the fundamental imbalance of the existing Russian model is the contradiction between the interests of oligarchic state capitalism and the benefit for most economic agents. In turn, this imbalance generates a number of other negative consequences: an excessive level of state intervention in the economy, its high monopolization, a weak financial sector, as well as sluggish modernization and diversification of the economy.

An attempt is made to identify the prospects for the evolution of the Russian economic model by influencing the negative imbalances through the positive imbalances of the Russian economic model: namely, the high level of education of the population, the large size of the market and the relatively developed infrastructure. In the last part of the article the conclusion is made on the possibility of transforming existing system into a classical model of state capitalism, but only if there are political conditions for such a transition.

Keywords:

Russia; national economic model; imbalances of national economic model; oligarchic state capitalism.

References

Acemoglu D., Robinson D. (2014). *Pochemu odni strain bogatiye, a drugie bednie. Proishozhdenie vlasti, protsvetaniya I nisheti* [Why Nations Fail]. Moscow: AST. 696 p.
Baumol W., Litan R. and Schramm, C. (2007). *Good Capitalism, Bad Capitalism, and the Economics of Growth and Prosperity*. New Haven and London: Yale University Press. 336 p.
Bulatov A. (2017). *Economica Rossii i stran blizhnego zarubezhya* [Economics of Russia and the of the Near Abroad]. Moscow. 496 p.
Bulatov A. (ed.) (2015). Strany BRICS v mezhdunarodnom dvizhenii kapitala [BRICS Countries and International Capital Flows]. *Izvestia RAN*. № 5: 21.
Drynochkin A.V. (2016). Economic relations between Russia and Visegrad countries. *Sovremennaya Evropa*, 72 (6), pp. 82–87. DOI: 10.15211/soveurope620168287

Ermak S., Zayakin S. (2016). Netoropliviy karavan [A Caravan That Takes Its Time]. *Expert*. № 43: p. 80.
Huntington S. (2004). *Politishecskiy Poryadok v menyayushihsya obshestvah* [Political Order in Changing Societies]. Moscow: Progress–Traditsiya. 480 p.
Ivanter V. (2007). *Prikladnoe prognozirovanie natsional'noi economici* [Applied Economic Prognosis]. Moscow: Economist.
Koske I. et al. (2015). *The 2013 Update of the OECD's Database on Product Market Regulation: Policy Insights for OECD and non–OECD Countries*. OECD Economics Department Working Papers. № 1200. Paris: OECD Publishing.
Kuznetsov A.V. (2016). Is Poland a bridge or a barrier for economic relations between Germany and Russia? *Sovremennaya Evropa*. No70 (4). P. 76–82. DOI: 10.15211/soveurope420167982
Kul'kov V. (2009). *Rossiiskaya economicheskaya model'* [The Russian Economic Model]. Moscow: TEIS. 196 p.
Mau V. (2016). *Krizisi i uroki. Economica Rossii v epokhu turbulentnosti* [Crises and Lessons. Russia's Economy in Times of Turbulence]. Moscow: Gaidar Institute Publishing, 488 p.
Nureeva R. (2010). *Natsional'naya economica* [National Economics]. Moscow: Infra–M.
Pater R., Skisa T. (2014). The Productivity of Public and Private Sectors in Poland. *Business and Economic Horizons*. Vol. 10. № 2: 126.
Shitov V., Zagrebel'naya N. (2016). Mezhdunarodnie otsenki shansov i uyazvimosti Rossii [International Assessments of Russia's Prospects and Vulnerabilities]. *International Trends*. Vol. 14. № 2: 163–175.
Solow R. (2016). *Nesistematicheskiye misli o tom, kak vse mozhet poiti dal'she*. Sbornik «Cherez 100 let: vedushiye economisti predskazivayut budushee». Ed. by I. Palasios–Uerta. Moscow: Gaidar Institute Publishing. 304 p.
Subochev A. (2012). *Izmeraya demokratiyu: agregirovanie protivorechivykh rejtingov gosudarstv mira metodami kollektivnogo vybora* [Measuring Demovracy: aggregation of competing world ranking of states through methods of collective choice]. National Research University Higher School of Economics. URL: http://regconf.hse.ru/uploads/e9166e72b2344def64a667e6e9ef8e8b525ab6ac.pdf
Todaro M., Smith S. (2014). *Economic Development*. New York: Trans–Atlantic Publications. 860 p.
Yavlinskiy G. (2015). *Perpheriiniy avtoritarism. Kak i kuda prishla Rossiia* [Peripheral Authoritarianism. Where Russia is Now and How She Got There]. Moscow: Medium. 230 p.
Zhoga G. 2015. Kak obmanut' kon'yunkturu [How to Trick Conjuncture]. *Expert*. № 40: p. 68.
Zudin A. (2006). Gosudarstvo i biznes v Rossii: evolutsiya modeli [State and Business in Russia: the evolution of a model]. *Neprikosnovennii zapas*. № 6.